

Сергей Рябков:

«ВИДИМ В БРИКС ПОТЕНЦИАЛ ПОСТЕПЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПОЛНОЦЕННУЮ МЕЖГОСУДАРСТВЕННУЮ СТРУКТУРУ»

— С момента возникновения БРИКС в формате и содержательном наполнении группы произошли существенные изменения. Начинали с клуба по интересам, а сегодня по насыщенности повестки дня БРИКС может соперничать с некоторыми интеграционными объединениями. Что сейчас представляет собой БРИКС?

— За время с первого саммита тогда еще БРИК в 2009 г. произошло и расширение состава участников, и, главное, очень мощное наращивание содержательной стороны работы. Как вширь, так и вглубь развивается БРИКС, но, несмотря на это, природа его осталась прежней. По большому счету это не бюрократизированное, во многом неформальное межгосударственное объединение. Мы осознанно проводим линию на то, чтобы избегать в БРИКС возникновения надстроечных, бюрократических структур. Мы понимаем, что всякая бюрократия имеет склонность становиться самодостаточной, а следующей фазой развития любой международной бюрократии будут попытки подмять под себя деятельность национальных правительственных структур, диктовать свои условия. Иногда такое развитие оправданно, и страны осознанно идут на передачу части национальных полномочий наднациональным органам. Но в случае с БРИКС, мы считаем, важнее сохранить присущую этому объединению готовность работать исходя из баланса интересов, из действительно хорошо осознанных и сформулированных общих знаменателей без искусственного форсирования тех или иных процессов, без навязывания чего бы то ни было сверху, сбоку, со стороны одних участников другим.

Мы не скрываем, что видим в БРИКС потенциал постепенной трансформации в полноценную межгосударственную структуру, которая обладает всеми атрибутами вплоть до правосубъектности, но это вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Нам надо накопить опыт сотрудничества и наращивать результаты. Результаты важнее подобных схем и построений. Хотя могу сказать, что даже на нынешнем отрезке времени происходят некие процессы, которые придают большую структурированность работе БРИКС, в том числе ожидаемое в Уфе решение о создании виртуального секретариата. Это нормальный, спокойный, нефорсированный процесс. Мы удовлетворены, что именно так развивается БРИКС, и готовы и дальше удерживать развитие именно в этом русле.

— До последнего времени страны БРИКС уделяли основное внимание решению конкретных глобальных задач. Во многом поэтому удавалось не отвлекаться на многочисленные и довольно серьезные разногласия. Не приведет ли расширение повестки дня к тому, что заниматься конкретикой станет сложнее, потому что противоречия начнут накапливаться?

— Вы правы, по мере углубления повестки дня, ее детализации, накопления опыта практического взаимодействия некоторые сюжеты, некоторые темы труднее

даются участникам объединения, но это нормально, это не признак пробуксовок, и, конечно же, не признак какого бы то ни было кризиса.

Наоборот, динамика развития БРИКС не имеет прецедентов в международных отношениях конца XX — начала XXI в. Всего за несколько лет мы получили очень устойчивое и, я уверен, с большим будущим международное объединение, воплощающее идеологию международных отношений, которую сформулировала и отстаивает Российская Федерация: принципы многополярности и сетевой дипломатии как инструменты регулирования международных процессов.

И это объединение вполне функционально, несмотря на отсутствие таких очевидных сближающих факторов, как географическое соседство, культурная общность — хотя и здесь нельзя сказать однозначно, насколько мы различны, во всяком случае во взглядах на современный мир, по-моему, у нас сходства с участниками БРИКС гораздо больше, чем с некоторыми членами той самой европейской семьи, к которой исторически причисляет себя значительная часть политиков и населения Российской Федерации, но это *à propos*, заметки на полях. А суть вопроса в том, что БРИКС идет по пути проб, ничто не предопределено, каждая инициатива, которая рассматривается в БРИКС, проходит всестороннюю обкатку на разных уровнях. Если не фиксируется общий интерес к ее развитию, она снимается, а некоторые темы, напротив, прорабатываются интенсивнее других. Россия не ставит перед собой задачу обязательно, во что бы то ни стало, ради отчетности или самоудовлетворения добиться, чтобы та или иная тема попала в круг ведения этого объединения. Придет время, займемся и этим.

БРИКС по-прежнему в первую очередь остается инструментом согласования подходов участвующих в нем стран к мировой финансово-экономической повестке дня. И все, что делается в этой сфере, на слуху не только у финансистов и экономистов. В Уфе будет предпринят следующий шаг — одобрена стратегия экономического партнерства. Мы находимся в процессе разработки перечня проектов, которые могут быть реализованы в формате БРИКС, в том числе с подключением ресурсов Нового банка развития. Если вы обратили внимание на некие трудности, это трудности роста, если вы обратили внимание на высокий уровень ожиданий, то я этот высокий уровень ожиданий разделяю, и я уверен, что с точки зрения заполнения кричащих лакун, пустующих ниш в здании международной финансовой системы работа, ведущаяся по линии БРИКС, будет в высшей степени востребована, и уже скоро мы будем иметь опыт, аналогичный Бреттон-Вудсу. Уверен, он будет представлять интерес и для стран, не входящих в БРИКС, в том числе скептически относящихся к БРИКС.

Помимо финансово-экономической составляющей мы занимаемся множеством проблем. Все больший упор делается на новые вызовы, все больше внимания уделяется сугубо политической, прежде всего региональной повестке дня. Хотел бы в связи с этим упомянуть, что после Уфы в рамках российского председательства предстоит еще целый ряд значимых, крупных событий, в том числе неформальная встреча министров иностранных дел БРИКС на полях предстоящей сессии Генассамблеи, где разговор пойдет по наиболее острым и актуальным темам, в значительной мере касающимся и Ближнего Востока, и множественных кризисов, с которыми сейчас сталкиваются международное сообщество и страны региона.

Затем пройдет неформальная встреча лидеров БРИКС в Анталии на полях саммита *Группы двадцати*.

Уже прошли важные мероприятия, к примеру, встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, в конце мая в Москве. Впервые за историю БРИКС очень интересно и насыщенно прошел парламентский форум, целая серия других мероприятий, но это не самоотчет, а иллюстрация того, что эволюция БРИКС продолжается. Я уверен, когда в феврале 2016 г. Индия примет эстафету у России, в деятельность этого объединения будут привнесены новые грани.

— Получается, мы ожидаем от БРИКС не столько политических дивидендов, сколько практических результатов. Но чем обусловлен выбор тем, которые недавно вошли в повестку дня: зачем БРИКС заниматься здравоохранением, когда есть ВОЗ, или борьбой с наркотиками, когда есть УНП ООН? Кстати, ваш коллега, заместитель министра финансов Сергей Анатольевич Сторчак, в интервью Индексу Безопасности призывал не размывать повестку дня. По его словам, многие ведомства почувствовали внимание, которое уделяется форуму руководством страны, и пользуются этим.

— Разные объединения эволюционируют по-разному. БРИКС развивался от экономики к политике. Повторю, и в этом мы с Сергеем Анатольевичем Сторчаком абсолютно едины, что очень важно и дальше в первоочередном порядке, в приоритетном режиме работать по финансово-экономической, торгово-экономической теме и вообще по всем вопросам, связанным с инвестициями, инфраструктурой, национальными валютами как средством расчета и т. д.

Никакого искусственного расширения повестки дня я не вижу. Когда вбрасывается новая идея, рассматривается возможность сотрудничества в рамках БРИКС, нужно пройти множество этапов согласования, включая высший уровень, прежде чем новый трек будет запущен. Мы не гонимся за количеством и никогда не занимались развитием БРИКС ради отчетности перед руководством, это абсолютно ложная постановка вопроса. Ведомства, предлагая те или иные направления работы, отталкиваются от практических нужд и от собственного опыта в этой сфере. Последний пример: мероприятие, проведенное в основном усилиями Роспотребнадзора, по вопросу сотрудничества в формате БРИКС по борьбе с инфекционными заболеваниями, показало, что помимо напрашивающегося расширения обмена наилучшими практиками, методиками, помимо профессионального разговора врачей, эпидемиологов о том, как лучше защитить население наших стран от мутирующих вирусов и т. д. (не буду вдаваться в терминологию, чтобы не выглядеть глупо перед специалистами), так вот, помимо всего этого есть совершенно конкретные проекты. Например, каждая страна БРИКС внесла очень весомый вклад в противодействие вспышке лихорадки Эбола в Западной Африке. Россия развернула мобильный госпиталь, мы сейчас приняли на себя в том числе «французскую» долю работы, такое сотрудничество в поле очень значимо и имеет эффект мультипликатора результативности и эффективности. Мы за то, чтобы соответствующие службы БРИКС проработали вопрос о том, как можно повысить эффективность вклада наших стран в решение такого рода проблем с учетом их серьезности и общей ограниченности ресурсов.

— Получается, ООН не справляется с такими задачами?

— Я бы не хотел преуменьшать роль ООН, боже упаси. Мы работаем на этом направлении по линии ООН и ВОЗ, но взаимодополняемость усилий — это лозунг даже не дня, а многих последних десятилетий. Не всегда можно обеспечить надлежащую координацию, не всегда удается действовать достаточно эффективно из-за той же забюрократизированности некоторых международных структур и организаций, иногда лучше решить что-то на двусторонней основе, или же двусторонний формат предопределяется некими политическими контактами, я не говорю интересами, а контактами, когда лидеры договариваются о чем-то. Но все это должно рассматриваться в комплексе, поэтому здесь не стоит вопрос о выборе между ООН и БРИКС — место есть и для того, и для другого.

В то же время по многим другим направлениям есть вопросы, где сближение позиций, их координация и выход на какую-то общую платформу идут гораздо сложнее, очевидный пример — противодействие глобальному изменению климата, где подходы внутри БРИКС существенно отличаются, но это не повод тыкать пальцем и говорить: «Смотрите, участники БРИКС не могут договориться между собой». Взгляните на другие примеры, которые мы видим сплошь и рядом, тот же Евросоюз с его *acquis communautaire*, с бесконечно корректируемыми базовыми договорами, огромной бюрократией, обладающей колоссальными наднациональными полномочиями, даже Евросоюз во многих случаях не в состоянии выработать единую позицию. Однако тут никто ситуацию не драматизирует. Надо исходить из реальных возможностей и интересов. С уважением отношусь к позиции Сергея Анатольевича Сторчака, что надо фокусироваться на главном, но у меня свои *старые песни о главном*, у него свои, поэтому надо работать в тандеме, в команде, что мы делаем и будем делать впредь.

— На Академическом форуме БРИКС вы сказали, что уже состоялись заседания рабочих групп по безопасности космической деятельности и по Ближнему Востоку. Есть ли какие-то результаты?

— Безусловно. Что касается ближневосточной тематики, заместители министров иностранных дел приняли совместное коммюнике по ситуации на Ближнем Востоке. Это не следует понимать так, будто кроме этого совместного документа нет других результатов, наоборот, совместный документ — это фасад, своего рода *сопроводилочка*, *cover sheet* к реальному содержательному наполнению обсуждавшихся вопросов.

Мы наблюдаем заметное сближение подходов всех стран, входящих в БРИКС, по тематике ИГ, по вопросам политического диалога в интересах внутрисирийского урегулирования, приобретающим все более обостренный характер с учетом крайне сложной военной обстановки в Сирии и вокруг нее, по вопросам сохранения территориальной целостности целого ряда государств региона. Российско-китайское взаимодействие является движущей силой координации наших подходов по ближневосточным делам. Отзывается это все конкретным взаимодействием непосредственно там, где принимаются конкретные решения в многостороннем формате — в Женеве, в Вене.

Что касается безопасности космической деятельности, мне не хотелось бы вдаваться в этот вопрос не потому, что здесь есть какие-то суперсекреты или пере-

говорные тайны, просто, чем ниже на экспертный уровень спускаешься, тем чаще возникают расстыковки или противоречия с другими участниками обсуждения тех же проблем в международном сообществе — с США, Евросоюзом, в частности по кодексу поведения в космосе — проект, который продвигает Евросоюз на протяжении уже нескольких лет, сейчас его пытаются трансформировать, сделать темой практического переговорного процесса. У нас целая серия возражений, есть возражения и у остальных членов БРИКС.

Степень совпадения или несовпадения подходов к тому же космосу — один из предметов такого рода консультаций в формате БРИКС, позволяющих не то чтобы выровнять подходы и образовать некий единый фронт, это упрощение. Мы хотим лучше разобраться в логике позиций друг друга: по каким причинам отдельные элементы, скажем, кодекса, приемлемы для участников, по каким — нет, в идеале сформировать набор ожиданий и задач для дальнейшего диалога с авторами того или иного проекта.

Я пытаюсь объяснить механику работы, не особо вдаваясь в содержательную часть вопроса, чтобы сохранить конфиденциальный характер некоторых проектов БРИКС в политической сфере. Это, кстати, тоже признак зрелости объединения: очень весело, когда устраивают шоу, в воздух летят воздушные шары и все кидается серпантинном, но смысл дипломатической работы немного в другом.

— Один из приоритетов БРИКС — глобальное управление интернетом и новая архитектура управления интернетом. В то же время из экспертных обсуждений мы знаем, что у членов БРИКС к этому вопросу очень разные подходы. Как этот вопрос решается? К какому консенсусу мы можем прийти?

— Я хочу вам сказать, что никто не пытается сахарной пудрой и шоколадной глазурью прикрыть отсутствие *начинки* в этом *эклере*. Могу заявить вполне ответственно: действительно, подходы различаются, некоторые участники БРИКС демонстрируют определенную жесткость позиции конкретно по этой теме, потому что в силу исторических, политических, любых иных обстоятельств они видят ситуацию под другим углом, отличным от того, как она смотрится у нас или в Китае.

Это не проблема, не повод впадать в уныние, которое является, как известно, самым страшным грехом, и не повод объявлять, что внутри БРИКС пошла трещина и ничего не получится. На то и есть форматы, которые сложились как раз для того, чтобы настойчиво искать точки соприкосновения, расширять их, вырабатывать приемлемые общие подходы. Если настанет момент, когда некая страна начнет понимать, что в процессе поиска общего знаменателя или единых подходов она дошла до пределов в своей национальной позиции, участники просто констатируют невозможность продвинуться дальше, по крайней мере на данном этапе, а эта страна, движимая собственным пониманием задач и интересов, будет искать альтернативы на других площадках.

Международная информационная безопасность и вопросы ИКТ в целом крайне сложны. Развивалась эта сфера во многом стихийно, буквально в нескольких центрах. Сейчас нарастает влияние других государств на изначально американский проект, американское детище. У всех стран есть свои представления о том, что требуется делать. Как я уже говорил в начале, мы не хотим, чтоб создавалось впечатление, будто Россия стремится навязывать свои подходы или решения другим.

То же самое можно сказать и о позиции остальных: идет диалог (он может быть более продуктивным, менее продуктивным, результат этого диалога может влиять на эволюцию национальной позиции, может не влиять). Но в Уфе лидеры высказались на эту тему. Может быть, это будет близко к тому, что уже говорилось в Форталезе, может быть, мы сделаем следующий шаг, пока еще сказать сложно.

— Штаб-квартира Банка будет располагаться в Шанхае, в Южной Африке будет создан африканский региональный центр, первым президентом станет представитель Индии, процессом создания Банка руководила Бразилия. Есть ли уже понимание, в какой стране будет реализован первый проект? Может быть, в России?

— Я не исключаю ничего и абсолютно разделяю вашу логику, хотя тут же отмечу, что мы не гонимся в этом вопросе за ложно понятым престижем или какой-то символикой. Кто первый водрузит флаг на Эвересте или чей вымпел первый окажется на Венере — это вопросы из несколько другой эпохи. Важнее понимать, насколько это нам выгодно, действительно ли такого рода работа вписывается в наши планы и соответствует нашим потребностям. Я ничего не исключаю, но хотел бы отметить, что, несмотря на такое распределение ролей, российское присутствие внутри самого Банка будет обеспечено на очень высоком уровне. Мы сейчас над этим работаем, не говоря уже о том, что, по большому счету, сама идея и Банка, и Пула изначально принадлежит нам, не говоря уже о том, что мы первые ратифицировали все документы и готовы в полном объеме выполнить вытекающие из присоединения к этим документам обязательства, в том числе финансового плана.

Перечень инфраструктурных проектов находится в продвинутой стадии подготовки, мы будем этим перечнем делиться с партнерами, понятно, что не все от нас зависит, но в скором времени вы увидите, что ресурсы банка БРИКС работают, в том числе и на решение инфраструктурных проблем России.

— Если мыслить категориями наших китайских партнеров, как бы Вы сформулировали цели БРИКС на ближайшие, скажем, пять лет и какие показатели эффективности применимы к таким организациям, как БРИКС? Иными словами, где мы хотим оказаться через пять лет и как понять, получилось у нас это или нет?

— Есть концепция российского участия в БРИКС, она общедоступна. В ней обозначены задачи на среднесрочную и более отдаленную перспективу. Не буду говорить бюрократическим языком, попробую сформулировать наше видение БРИКС хотя бы не на пять, но на несколько ближайших лет: я не думаю, что произойдет качественное изменение характера работы в этом объединении.

— Вы намекнули, что возможна формализация БРИКС.

— Не думаю, что это произойдет в ближайшие несколько лет. Нам надо набрать еще больше практического материала, еще больше опыта реального взаимодействия. Не строить с крыши к фундаменту. Мы смогли удержаться от соблазна декларировать что-то, а потом подгонять реальные шаги под эти заявления. В БРИКС происходит обратный процесс, он более естественный, здоровый, понятный всем, комфортный и не вызывающий ощущения искусственности ни у кого из участников.

Ю
Б
В
Р
Е
Г
И
С

Уверен, что к сотрудничеству в БРИКС добавится еще, как минимум, несколько направлений, в том числе такое важное для всех участников стран БРИКС, как горнодобыча. Я хочу сказать, что увлеченность всей нашей цивилизации *дотками, цифрой* во всех ее проявлениях, разного рода пузырями, безостановочно спекулятивно надуваемыми, и общим отходом от основ, от почвы, дает о себе знать. Тем не менее, сколько бы ни было в мире произведено 3D-принтеров и какие бы не происходили чудеса с точки зрения использования стволовых клеток для регенерации глаза пострадавшего от катаракты, горнодобыча остается той темой, которая требует углубленной совместной работы.

Каждая из стран БРИКС имеет особые интересы в этой области, и я вижу большие перспективы в разных отраслях, начиная от углеводородов до редкоземельных металлов. Есть еще экологические аспекты, рекультивация и много других аспектов. Каждая из стран, входящих в объединение, уже имеет в этой сфере очень серьезный опыт — и положительный, и негативный.

Но это просто иллюстрация. Мы, конечно, пойдем дальше с точки зрения развития *внутрибриксовских* механизмов банковско-финансовой деятельности, включая расчеты в национальных валютах, которые со временем могут быть открыты для других стран. Мы, конечно же, будем больше заниматься политикой, но политика не станет заслонять экономику, как это произошло в свое время в *семерке*, политизированной донельзя, из-за чего, в том числе, был создан формат *двадцатки*.

Мы не ставим перед собой задачи реорганизовать БРИКС, и вопросы членского состава вряд ли приобретут новую актуальность в течение ближайших трех лет. На мой взгляд, конфигурация останется примерно той же, что и сейчас, пятисторонней, мы не хотим ничего искусственно форсировать. Мы хотим дать возможность БРИКС реализоваться там, где мы чувствуем потребность в работе, в реальном диалоге и сотрудничестве, и делать это именно в кругу пяти стран, составляющих объединение.